

Л.М. Веккер

Психические процессы

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Л11

Л11 **Л.М. Веккер**
Психические процессы: Том 3 / Л.М. Веккер – М.: Книга по Требованию,
2021. – 326 с.

ISBN 978-5-519-71543-0

Психические процессы Том 3

ISBN 978-5-519-71543-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Очень большую помощь в подготовке данного, завершающего его тома оказали мне М. В. Осорина, А. И. Берзницкас и А. М. Эткинд, которым я чрезвычайно признателен. Особые слова благодарности я обращаю к редактору всех трех томов монографии — Галине Кирилловне Ламагиной, непрерывная творческая помощь которой внесла неоценимый вклад в этот труд.

Личность не только субъект, а субъект не только личность.

Б. Г. Ананьев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СУБЪЕКТ

ГЛАВА 1. О ТРУДНОСТЯХ ПОСТРОЕНИЯ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.

§ 1. О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТРУДНОСТЯХ СООТНЕСЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГУЛЯЦИОННО-ВОЛЕВЫХ ПРОЦЕССОВ.

Весь ход последовательной постановки задач теории психических процессов, строящейся на едином концептуальном базисе, ясно показал, на какие принципиальные трудности наталкивается исследование каждый раз, когда оно подходит к очередной «пограничной заставе», отделяющей одну область психических явлений от другой. Даже внутри сферы когнитивных структур, входящих в первый блок психологической триады (познание, чувства, воля), «концептуальные заборы» и соответствующие им «языковые барьеры» оказались достаточно трудно преодолимыми. Таковы были полярные теоретико-эмпирические ситуации понятийных отождествлений или запараллеливаний, возникающие у психологических рубежей, которые разделяют ощущение и восприятие, образное и мыслительное познание, допонятийное и понятийное мышление.

Но если такая существенная разнородность методических подходов, категориальных схем и соответствующих научных языков столь явно обнаруживается в области явлений, объединенных не только общеродовой принадлежностью к психической сфере, но и включенностью в один и тот же ее вид, то есть основания ожидать, что межвидовые концептуальные рубежи и языковые барьеры, преодоления которых потребует переход к следующим компонентам психологической триады, окажутся еще более «укрепленными». Действительно, в психологии эмоций царит еще более яркая пестрота «разноязычия», чем в психологии интеллекта.

Не только самый факт принадлежности эмоций к психической сфере, но и максимальная выраженность их субъективно-психологической специфичности сомнений никогда не вызывали. Феноменологически эмоциональные процессы и состоя-

ния описываются в терминах собственно психологического языка. Его субъективная специфичность выражена в столь предельной форме («наслаждение», «страдание», «радость», «печаль», «любовь», «ненависть», «экстаз», «тоска»), что создает впечатление идиоматической непереводаемости на какой-либо другой язык и поэтому часто трактуется как основной носитель уникального своеобразия психических явлений. Вместе с тем и, вероятно, именно поэтому проблема эмоций, как и во времена Н. Н. Ланге, продолжает оставаться «Золушкой» психологии. Сколько-нибудь законченной системы понятий, которая связала бы единым подходом субъективно-психологическую феноменологию эмоций с их основными закономерностями и механизмами, а тем более теории, которая позволила бы осуществить перевод с языка психологии эмоций на более общий язык принципов организации всех психических процессов, до настоящего времени нет.

В противоположность такой «спрятанности» субъективно-психологической специфики эмоций их объективные детерминанты и внешние проявления, вполне доступные наблюдению, легко обнаружимы. Фактически они воплощают в себе индикаторы скрытых субъективных эмоциональных состояний. Поэтому эмоции, как и мышление, являются предметом исследования ряда смежных научных областей. Физиология изучает их соматические и вегетативные проявления, биология со времен широко известной работы Дарвина рассматривает эмоции как фактор эволюции, средство приспособления и мотивационную детерминанту поведения, социология исследует социальную детерминацию, а этика — нравственный характер и ценностную иерархию человеческих чувств. Здесь, таким образом, как и в отношении познавательных, в частности мыслительных, процессов, опять-таки обнаруживается множественность подходов, разнородность понятийных систем и соответствующая им разобщенность научных языков.

Именно по причине такой множественности и аналитической дробности научных подходов и абстрактности собственно концептуальной формы научного познания эмоций, основная специфика которых состоит в их конкретной непосредственности, неразложимой целостности и интимном сочетании субъективно-психологических и объективных, соматических проявлений, отображение глубин эмоциональной жизни и воспроизведение богатства ее красочной и противоречивой картины реализуется преимущественно в сфере искусства, средства которого позволяют сохранить живое дыхание ее естественной целостности. Между тем в результате развития синтетических направлений и подходов современной науки все острее становится теоретически и практически обоснованная необходимость раскрыть парадоксальную конкретно-целостную природу эмоций также и средствами абстрактных концеп-

тов, позволяющих проникнуть в глубоко скрытые внутренние закономерности познаваемой реальности. Но такой способ познания, при котором «абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» (Маркс), по самому своему существу предполагает возможность перевода конкретного языка субъективно-психологической феноменологии эмоций на абстрактный язык общих закономерностей их организации. Чтобы такой перевод с одного языка на другой был возможен без потери их специфичности, требуется охватить единым подходом, во-первых, разные аспекты самих эмоциональных процессов и, во-вторых, эмоциональные и когнитивные процессы как разные частные формы психических явлений. В ответ на такую все яснее осознаваемую потребность предпринимаются попытки создать синтетическую теорию эмоций, построенную на современном общенаучном основании¹. Однако пока еще перевод с языка общих закономерностей и физиологических механизмов психических процессов на более частный язык психологической теории эмоций и, далее, на еще более конкретный язык их психологической феноменологии — перевод, который своей обратимостью устранил бы идиоматичность субъективного описания эмоциональных состояний, остается делом будущего.

Если в языках феноменологического описания и теоретической интерпретации эмоций оказались разобщенными — вопреки их органической взаимосвязанности — собственно психологический и вегетативно-соматический аспекты психических процессов, то в сфере воли аналогичному разобщению подверглись аспекты психических процессов, выражающие, с одной стороны, отношение этих процессов к их объекту, а с другой — к регулируемому ими действию. Термины, в которых описываются и с помощью которых интерпретируются волевые процессы («мотив», «цель», «произвольность», «волевой акт»), оказываются не менее «идиоматичными», чем лексический состав языка, описывающего эмоции.

Детерминированные внешними объектами когнитивные компоненты психических процессов, программирующие и регулирующие двигательные акты, и структура самих этих регулируемых поведенческих актов отделены друг от друга большим числом посредствующих звеньев, чем субъективно-психологические и вегетативно-соматические компоненты эмоций, объединенные их общей детерминированностью состояниями субъекта психики. Поэтому субъективный язык психологии воли и объективный физиологический язык, на котором описываются произвольно регулируемые поведенческие акты, оказались еще дальше отстоящими друг от друга, чем научные языки описания разных компонентов эмоциональных процессов. На

¹ См.: Симонов П. В. 1) Что такое эмоция? М., 1966; 2) Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970.

одном полюсе традиционных интерпретаций, связывающих сознание и поведение, оказалось понятие воли как «чисто» психической, свободной и даже спонтанной активности, которая вообще не поддается объективному описанию и детерминистическому объяснению, а на другом — «чисто» физиологические категории системной организации двигательных поведенческих актов. Язык-посредник, позволяющий осуществить взаимоперевод этих полярных категорий, в традиционно-психологических концептуальных схемах фактически отсутствует. И хотя ход развития психологии и смежных наук делает все более явной эмпирическую и теоретическую необоснованность такого концептуального разрыва, теория волевого регулирования, которая должна заполнить этот промежуточный понятийный вакуум, делает пока в лучшем случае лишь свои первые шаги.

Между тем потребность в преодолении этих концептуальных и языковых барьеров как между разными аспектами волевой регуляции, так и между волевыми процессами, с одной стороны, и процессами эмоциональными и познавательными — с другой, обнаруживает себя здесь, в этом третьем блоке классической психологической триады, столь же определенно и неотвратно, как и в первых двух. Именно навстречу этой потребности идет со стороны физиологии двигательных актов концепция Н. А. Бернштейна, а со стороны психологии — общая теория деятельности А. Н. Леонтьева.

Разобщенность традиционных концептуальных схем и научных языков, имеющих своим объектом три основных класса конкретных психических процессов — познавательных, эмоциональных и волевых, аналогична теоретической ситуации в области соотношения основных понятий классических психологических концепций, ставивших своей задачей раскрыть специфическую природу всякого психического процесса². Если в концепциях ассоцианизма, гештальтизма, функционализма, бихевиоризма, энергетизма и операционализма обособлялись друг от друга и универсализировались разные аспекты общей специфики всякого психического процесса (способ связи в ассоцианизме, структура или форма организации в гештальтизме, вероятностная мера организации в бихевиоризме и т. д.), то здесь, при *аналитическом* рассмотрении конкретных психических процессов, доминирующий аспект каждого из классов психологической триады абстрагируется от других аспектов, содержащихся в процессах этого же класса. Так, собственно когнитивные аспекты интеллектуальных процессов отделяются от эмоциональных и регуляторных компонентов, собственно эмоциональные компоненты чувств абстрагируются от их когнитивно-информационных аспектов, а регуляционные функ-

² См.: Веккер Л. М. Психические процессы, т. 1, ч. 1. Л., 1974, гл. 2.

ции волевых процессов отчленяются от тех познавательных и эмоциональных психических структур, которые эту регуляцию осуществляют.

Такое абстрагирование неизбежно и даже полезно на тех этапах развития науки или на тех стадиях исследования, когда вычлениаются основные аспекты изучаемого объекта и кристаллизуется соответствующая им система понятий. Именно на этом основана стратегия первой части настоящего исследования, реализованная в предшествующих двух томах монографии и состоящая в попытке раскрыть те исходные закономерности организации отдельных когнитивных структур и интеллекта в целом, которые воплощают формы инвариантного отображения объективной реальности, взятые в абстракции от эмоциональных компонентов психических процессов. На последующих же стадиях такое искусственное обособление превращается в гипостазирование абстракций и тем самым становится тормозом. И дальнейшее развитие теории требует синтетического соотнесения ранее аналитически отщепленных друг от друга концептов, соответствующих основным аспектам исследуемой психической реальности.

Таковы в самых общих чертах главные корни концептуально-логических трудностей, создающих — вопреки общей принадлежности интеллектуальных, эмоциональных и волевых процессов к единой психической сфере — внутри этой сферы меридиональные или вертикальные сечения, преодоление которых оказывается не менее сложным, чем предпринятые в первых двух томах переходы через параллели или горизонталы, разделяющие разные уровни интеллекта, начинающиеся с элементарных ощущений и кончающиеся абстрактными концептами.

| § 2. ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ПАРАДОКСЕ СУБЪЕКТА.

Кроме вышеназванных концептуально-логических трудностей необходимо рассмотреть особые, принципиальные трудности, порождаемые существенным отличием эмоциональных и волевых процессов от процессов когнитивных.

Все рассмотренные в первом и втором томах монографии когнитивные процессы находятся в рамках того, что нами было названо гносеологическим парадоксом психики. Суть его заключается в том, что, будучи свойством своего носителя, телесного субстрата, все познавательные процессы, начиная от простейших, сенсорных, и кончая высшими, концептуальными, в своих конечных, итоговых, результативных характеристиках не поддаются формулированию в терминах внутренней динамики или внутренних сдвигов в их телесном субстрате, а могут быть сформулированы в терминах, фиксирующих

свойства отображаемых этими процессами внешних объектов. Однако если мы не просто описываем любые явления реальности, в том числе и психические явления, а хотим перейти к их научному объяснению, мы должны вывести их как нечто производное от своего носителя, как его свойства и проявления.

Трудности научного объяснения свойств психических процессов как производных по отношению к их материальному, телесному носителю, трудности выведения психических свойств из динамики их телесного субстрата послужили основанием дуалистических концепций психики. Сознание нельзя вывести из силы материи, из диспозиции органов, считал Декарт. Но если изучаемое явление по каким-либо причинам не удастся вывести из соответствующих ему состояний носителя, то оно автоматически и уже независимо от установок исследователя утрачивает в его представлении характеристики производного явления и само становится исходным, перестает быть свойством и автоматически, логически превращается в носителя свойства. Убеждение в том, что познавательные психические процессы невыводимы из характеристик и свойств материального органа, и привело Декарта к выводу об их особой субстанциальной природе.

Чтобы снять гносеологический парадокс в рамках материалистического монизма, необходимо найти такие состояния материального носителя, которые сами поддаются формулированию в терминах свойств отображаемого объекта. Только в этом случае возможно показать, что когнитивные процессы, несмотря на их обращенность не к субъекту-носителю, а к внешнему объекту, являются все-таки свойствами своего материального носителя, и только в этом качестве их можно объяснить как вторичные и производные по отношению к состояниям последнего.

Именно поиск таких состояний материального носителя познавательных процессов, которые поддаются формулированию в терминах свойств объекта, вывел еще Сеченова за рамки обособленного центрального звена психического акта в сферу рефлекторного взаимодействия носителя психики с ее внешним материальным объектом-раздражителем. На следующем более обобщенном теоретическом уровне анализа этот поиск привел психологию к использованию обобщений кибернетики, теории информации и теории инвариантов, ибо искомыми состояниями носителя, поддающиеся формулированию в терминах свойств внешних объектов,— это неизбежно такие его состояния, которые сохраняют инвариантными (в известном диапазоне) свойства отображаемых внешних объектов. Таким образом, предпосылки интерпретации когнитивных процессов в терминах теории инвариантов идут из глубины самой психо-

логии, содержатся по сути дела в эмпирической природе самого гносеологического парадокса когнитивных процессов.

На представленном в первых двух томах монографии отрезке исследовательского пути оказалась оправданной стратегия максимально возможного расчленения субъективных и объективных компонентов психических процессов, выделение в них собственно инвариантных познавательных компонентов и в меру этого — соответствующее абстрагирование от субъекта, поскольку он представлен в инвариантных когнитивных структурах в скрытом виде и относящиеся к нему переменные не входят в общие структурные формулы соответствующих процессов. Тем самым получила оправдание и, так сказать, апостериорное обоснование стратегия поэтапного продвижения от элементарных когнитивных процессов ко все более и более сложным в направлении к выстраиванию теории субъекта как носителя этих процессов. Однако уже на том этапе исследования возникали существенные ограничения и трудности дальнейшего использования этой стратегии. О них необходимо упомянуть именно здесь, поскольку эти ограничения, которыми можно и даже необходимо было пренебречь при анализе когнитивных процессов, приобретают очень существенное значение при исследовании процессов эмоциональных и волевых. Речь идет о влиянии на психические процессы состояний и характеристик самого субъекта — носителя психики.

Ограничения применявшейся ранее стратегии касаются по преимуществу трех основных моментов. Первый из них состоит в том, что переменные, относящиеся к субъекту — носителю психики, не входя в общие структурные формулы когнитивных процессов, входят, однако, в те частные варианты этих формул, в которых содержанием отображения является уже не внешний объект, а сам субъект. Так, отображение состояний материального носителя входит, например, в тот частный вид ощущений, в котором отражены характеристики не экстерорецептивного, а интерорецептивного или проприорецептивного раздражителя, т. е. состояния или свойства телесного носителя когнитивных психических процессов. Аналогичным образом субъект входит в ту частную структурную формулу общемыслительного инварианта, содержанием которой является отражение отношений не между двумя внешними объектами, а мыслительное отражение отношений самого субъекта к внешнему объекту.

Второй случай, при котором в общую структурную формулу когнитивных процессов входят переменные, относящиеся не к внешним объектам, а к самому субъекту, — это индивидуальные варианты сенсорных, перцептивных, мнемических, общемыслительных или концептуальных когнитивных структур. Речь идет о тех индивидуально-типических вариантах общих

структурных формул когнитивных процессов, которые детерминированы не природой и характеристиками внешних объектов, а внутренними взаимосвязями между элементами соответствующих когнитивных структур. В индивидуальных вариантах общих структурных формул появляются дополнительные, так сказать, частные коэффициенты, которые определяются не взаимосвязями элементов соответствующей когнитивной информационной структуры с воспроизводимыми особенностями элементов внешнего объекта, а внутренними взаимосвязями между конкретной частной когнитивной структурой и целостной организацией субъекта-носителя. В таком случае когнитивная структура в ее общих и частных характеристиках испытывает на себе влияние со стороны целостного субъекта — носителя соответствующего гештальта. Индивидуальными коэффициентами общих структурных формул могут быть индивидуальные особенности сенсорных порогов, сенсорных модальностей, индивидуальные или индивидуально-типологические особенности видов, форм или характеристик константности, индивидуальные особенности мыслительных структур, доминирование одного из двух языков мышления, преобладание определенных уровней обобщенности концептуальных структур и т. п. Во всех этих случаях коэффициенты, приводящие общую структурную формулу к ее индивидуальным вариантам, представлены переменными, относящимися уже не к инвариантному воспроизведению отображаемых в когнитивных структурах внешних объектов, а к особенностям целостной организации субъекта-носителя.

Наконец, третий случай включения субъективных переменных во внутреннюю структуру когнитивных образований представляет эти субъективные переменные в наиболее явном виде. Здесь имеется в виду структура интеллекта как целостной совокупности когнитивных процессов. В заключительной главе второго тома монографии было показано, что интеллект в специфическом значении этого понятия, дифференцированного от понятия мышления, представляет собой результат интеграции отдельных когнитивных процессов — сенсорных, перцептивных, мнемических, общемыслительных и концептуальных — в целостную связную совокупность, подвергшуюся двум видам или формам синтеза: «синтеза снизу», как это было условно обозначено во втором томе, и «синтеза сверху». В отличие от рассмотренного выше второго случая включения субъективных переменных в структурную формулу когнитивных образований, где речь шла о включенности отдельных когнитивных единиц в целостную интегральную совокупность уже не только когнитивных компонентов целостной организации субъекта, в данном случае речь идет о включенности отдельных когнитивных единиц в целостную совокупность когнитивных же образований. Поскольку интеллект

представляет собой синтез когнитивных единиц друг с другом, структура этой целостной интеграции определяется уже не связями каждой когнитивной единицы, взятой в отдельности, с соответствующим ей и отображаемым ею объективным содержанием, а именно внутренними связями всех этих когнитивных единиц между собой в целостную структуру интеллектуального гештальта. Именно поэтому характеристики интеллекта как целостной системы взаимосвязанных когнитивных процессов не могут быть описаны в терминах таких состояний его носителя, которые в инвариантной форме воспроизводят соответствующие характеристики, свойства и состояния отображаемого объекта.

Подчеркнем еще раз, что ограничение, которое накладывается на использование теории инвариантов при переходе от анализа отдельных когнитивных единиц к анализу целостной структуры интеллекта как их взаимосвязанной системы, определяется тем, что связи между элементами каждой отдельной когнитивной единицы детерминированы соотношениями между элементами отображаемого ею объективного содержания, тогда как связи отдельных когнитивных единиц и когнитивных процессов между собой в целостной структуре интеллекта детерминированы изнутри, т. е. они не обусловлены прямо и непосредственно внешними связями между элементами отображаемого содержания.

Таким образом, принятая и изложенная еще в первом томе монографии стратегия максимально возможного разделения, отдифференцирования субъективных и объективных компонентов психических процессов друг от друга и максимально возможного абстрагирования когнитивных процессов от собственных, внутренних характеристик субъекта является, безусловно, оправданной и даже совершенно необходимой только на первом этапе анализа когнитивных процессов самих по себе. Только такая стратегия позволила проникнуть во внутреннюю природу тех психофизиологических механизмов когнитивных процессов, которые обеспечивают объективное знание внешнего мира и на его основе — объективное знание природы самого субъекта.

Однако, будучи необходимой для анализа отдельных когнитивных процессов, эта стратегия становится не только неоправданной, но даже недопустимой там, где внутренние связи когнитивных процессов доминируют над внешними связями. Этот примат внутренних связей начинается, как было показано, именно в тех случаях, где мы переходим от рассмотрения отдельных когнитивных единиц, детерминируемых внешним содержанием, к межпроцессуальным взаимосвязям когнитивных процессов и когнитивных единиц между собой в структуре интеллекта как целостной системы. Естественно, что тем более неоправданно было бы применять эту стратегию там,